

ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ В ЯПОНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Н.Е. Горелова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье освещается понятие «время» в качестве важнейшей аксиомы, составляющей лингвокультурную картину мира того или иного народа. В свою очередь, определение пределов и возможностей сопоставления культур путём сравнения их лингвокультурной аксиоматики позволяет уточнить границы их коммуникативных взаимодействий, выявляя зоны понимания/непонимания и, соответственно, наиболее конструктивного взаимодействия/потенциальной конфликтности.

Культурные различия в понимании времени можно проследить по двум основным направлениям: во-первых, каждая культура осуществляет исчисление времени характерным именно для неё образом; во-вторых, способ «квантирования» времени, его «дробления на части также составляет существенное своеобразие уникальных лингвокультурных картин мира. Отношение ко времени – важнейшая лингвокультурная аксиома, позволяющая не только распознать специфику картины мира представителей японской культуры, но также выделить чёткие критерии её возможного сопоставления с контр-агентами общения, описать «точки пересечения» и «точки взаимного отторжения», возникающие на основе сопоставления японской и русской лингвокультур, их своеобразного отношения ко времени. Специфика японской культуры обычно описывается в рамках общей парадигмы отношений между Востоком и Западом, рассматриваемых как синтетический и аналитический способ восприятия мира. Эти отношения – отношения двух самостоятельных, отличающихся друг от друга систем, систем традиций, смыслов, мироощущений. Вопрос об их соизмеримости – один из ключевых для теории и практики межкультурной коммуникации, учитывающей влияние культурно обусловленных различий на протекание коммуникативного события, его «удачу» или «неудачу».

Ключевые слова: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, лингвокультурные аксиомы, «отношение ко времени» время в японской лингвокультуре.

Начало нового тысячелетия не принесло человечеству избавления от насущных вопросов о возможности взаимопонимания и диалога наций, культур, индивидов. В связи с этим проникновение в суть различных аспектов процессов межкультурной коммуникации и причин его нарушения выступает одной из насущных проблем современности. Один из путей решения данной проблемы – создание модели межкультурного общения, понимаемого как взаимодействие разных сознаний, содержание которых специфично и этнически обусловлено, «поскольку нет одинаковых национальных культур и, соответственно, одинаковых образов сознания» [10].

Культура каждого народа в чём-то уникальна. Различие культур проявляется в восприятии, дифференциации, категоризации и оценке внешнего его сознания явлений, не зависящих от человека, его национальности, языка и культуры, но отраженных в языке и культуре с помощью тех или иных понятий – «красоты», «добродетели», «время» и многие другие. Так, понятие «время» отражает специфику формирования картины мира с точки зрения оценки внутреннего отношения представителей конкретных лингвокультур к процессуальности как таковой, поэтому данное понятие оказывается в числе фундаментальных характеристик национальных особенностей межкультурной коммуникации, без изучения которых трудно говорить о её сколько-нибудь перспективном осуществлении [8].

На протяжении своей жизни человек осмысливает, измеряет, пытается управиться со временем как с важнейшей частью своей жизни и бытия. В горизонте истории ему представляется возможным по-своему укротить время, выделяя его фрагменты, соотносённые с какими-либо состоявшимися событиями, и таким образом как бы «присвоить» его в качестве завершённого процесса, сделать субъективно податливым. Подобное «освоение», помимо прочего, позволяет избежать антропологически заданного страха неопределённости, свойственного отношению к будущему в свете неизбежной перспективы индивидуального «конца времен», описанного словами «все люди смертны».

Интересно, что для разных лингвокультур характерно обращение со временем с разной степенью вольности. Именно поэтому отношение ко времени может служить важным культуроразличительным признаком. Подобные различия проявляются в двух основных видах: это исчисление времени и его квантирование, деление его «на отрезки» (дни, часы, сутки, года, века и т.д.). В целом эти лингвокультурные показатели, хорошо поддающиеся строгому лингвокультурному анализу и поэтому сравнительно легко сопоставимые при компаративном подходе, можно объединить под общим названием «отношение ко времени». В данном случае имеется в виду отношение ко времени в различных лингвокультурах как лингвистически

верифицируемый набор конкретных элементов и соответствующих им коннотаций.

Обращает на себя внимание факт наличия у большинства народов общих концептов, связанных с астрономическим исчислением времени (что не означает равенства концептов в других, «неастрономических» контекстах). Различия концептов особенно ярко проявляются на уровне определения сопряжённых с ними денотатов и десигнатов и обусловлены, как правило, спецификой географического положения и климатических условий жизни народов. Между тем, для осуществления удачной межкультурной коммуникации следует иметь в виду, что даже объективное, астрономически обусловленное, деление времени на отдельные промежутки в каждой культуре оказывается отчасти уникальным [11].

«Если меня об этом не спрашивают, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [1]. В своих словах Августин Блаженный обращается к всеобщему понятию «время». В дальнейшем этот великий мыслитель европейской патристики, как известно, универсализировал линейное понимание времени, перенес на него «логику» линейной логосности, свойственную древнегреческой философии, а затем и «западному» мышлению в целом. Помимо этого, в философской литературе сложилась традиция усматривать в рассуждениях Августина потенциальную своеобразную психологизацию времени, требующую учитывать наличие «души, отсчитывающей время» как условие его существования (ведь время несубстанциально).

Возвращаясь к современным проблемам межкультурного взаимодействия, необходимо еще раз отметить важность знакомства с культурно обусловленными особенностями отношения ко времени со стороны носителей различных лингвокультур. Особенно остро такие различия проявляются там, где наблюдается наиболее существенное расхождение в отношении ко времени как комплексному показателю различий его концептуальных моделей. Есть народы, в повседневной жизни которых время строго регламентировано, деятельность человека расписана по чёткому графику, и, лишь завершив первоначально начатое, он может приступить к следующему, а есть и те, которые за один промежуток времени могут выполнять сразу несколько дел.

Здесь мы имеем дело с монохромными и полихромными культурами. Разница в отношении ко времени, таким образом, выражается в степени пунктуальности. Для успешной межкультурной коммуникации необходимо знать, в каких странах опаздывать нельзя, в каких – можно, а в каких – нужно, иначе культурные промахи могут восприниматься настолько болезненно, что могут оказать негативное влияние на дальнейшие коммуникативные транзакции (вплоть до невозможности продолжать общение).

Особенный интерес представляет влияние концепта времени на мировоззрение того или иного народа, его жизненные аксиологические предпочтения и ориентацию в окружающем мире, природной, социальной, духовно-эмоциональной и ментально-интеллектуальной среде. Что есть для данного народа *прошлое, настоящее и будущее*? Присутствие этих понятий в социокультурной практике (а тем более – их осмысление) создаёт условия для оценки общественным сознанием происходящих событий, тем самым задавая направление возможного исторического движения, социального саморазвития и т.д. Отсюда – важность учёта глубинной разницы в отношении ко времени со стороны культур, ориентированных на прошлое, и культур, ориентированных на будущее. К первым относятся Великобритания и Япония, ко вторым можно отнести Россию (особенно советского периода) и США. Впрочем, в России ещё со времён дискуссий западников и славянофилов в общественном мнении отчётливо артикулированы оба подхода, что требует более внимательно относиться к однозначному отнесению конкретных культур к тому или иному модусу предпочтений во временной ориентации.

Формулируя разницу между этими подходами, можно отметить, что нации, ориентированные на прошлое, считают, что их жизнь в прошлом была лучше в сравнении с настоящей; что именно там, в прошлом, следует черпать энергию и стимул к развитию. Для философии и культуры этих стран характерна вера в то, что самое страшное, что может случиться со страной и народом – это стирание национально-культурной памяти, забвение традиций, разрыв с прошлым. Японцы, ориентируясь на прошлое, ценят конкретный момент времени. Существование *здесь и сейчас* прежде всего обязано прошлому, его истории и опыту предшествующих поколений. В частности, в японском и китайском национальном самосознании на уровне лингвистических исследований прослеживается отношение к прошлому как к чему-то сакральному, священному, что нередко противопоставляется отношению к будущему, которое видится призрачным, неясным, несуществующим временем. В японском языке отсутствует категория будущего времени, есть лишь прошлое и настоящее (настояще-будущее).

Данное явление с лингвокультурологической точки зрения детально исследовано в трудах Т.М. Гуревич. Характерен, с её точки зрения, фразеологизм, демонстрирующего отношение японского народа к будущему времени: «Говорить о том, что будет потом, чертям на смех» [4]. К слову, в русском языке также есть выражение – «наследие веков», которое подразумевает, что всякое последующее поколение наследует прошлое и по определению «владеет» исторически сложившимся богатством национальной культуры. При этом не всегда принимается во внимание, что наследство – это не только возможное

обладание некими благами, но и ответственность за то, что, в общем-то, не наследниками создано. Оно может быть приумножено, либо пущено что называется по ветру.

В русской культуре на уровне общественной психологии, отражённой на лингвистическом уровне, существует устойчивое отношение к своей истории как опыту, из которого ныне живущие поколения должны извлекать уроки. Вместе с тем, когда не хотят вспоминать прошлых обид, неприятностей или ошибок, говорят: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Подобный фразеологизм употребляется в случае примирения с собеседником, прощения обид, отказа считать прошлое неизменным.

Данное выражение в относительной мере характеризует отношение к прошлому времени как к началу «взросления» человека: чем младше, тем больше необдуманных действий, ошибок он совершает, что поначалу предполагает более снисходительное отношение к себе. В процессе взросления, однако, такое отношение преодолевается. Полный вариант фразеологизма таков: «Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет, тому оба». Следовательно, опыт прошлого обладает не меньшей ценностью, чем индивидуальная снисходительность к сиюминутным заблуждениям и даже крупным ошибкам. Опыт прошлого, особенно негативный, достоин сохранения в памяти как условие гармонизации социальных и межличностных отношений в будущем.

Восточные народы смотрят на историческую память по-своему: они – должники веков. На Западе подобное явление называют «культом предков». Однако в данном случае речь идёт не столько о некоем «культе», сколько о ритуализации социальной и психологической значимости признания «великого» (в смысле неоплатного) долга человека перед теми, кто создал всё, что было создано прежде и передано ему не за его личные заслуги, а по факту рождения, именно как наследство.

Помимо того, что человек в японской лингвокультуре является должником прошлого, каждый день он любым контактом с окружающими его людьми увеличивает свой долг в настоящем. Соответственно, в том поведении, которое отнесено к настоящему, японец не может не руководствоваться этим долгом. Для японцев, как для нации, в утверждении «мы никому ничего не должны» нет смысла. Однако её можно услышать от представителей западных стран. Также японцам не свойственно отказываться от своего прошлого: «Справедливость определяется в Японии как понимание человеком своего места в длинной цепочке взаимных долгов, связывающих воедино и его предков, и его современников» [2, с. 360].

Согласно учению одной из основных буддийских школ Японии, Нитирэн – есть трое, достойные почитания. Это – хозяин, наставник, родители. [5, с. 144]. Первые, кто достоин уважения – не младшие, а те, чьи знания и пережитый

опыт гораздо богаче нашего. Тот, кто старше, всегда мудрее; а то, что было раньше, всегда будет образцом. Отсюда – особое, внимательное, даже трепетное отношение к традициям, обычаям, принципам, которые прошли испытание временем. Это касается и системы ценностей: предметы искусства наравне с самыми простыми предметами быта ценятся за возраст. В Японии подобные ценные предметы способны обладать *ками* – душой, и помогать людям, обладающим ими в повседневной жизни (а иногда даже управлять ею).

В Древнем Китае, долгое время служившем японцам образцом для подражания, время отсчитывалось согласно смене поколений и смене династий, что отражает культ предшествующих поколений и преклонение перед властителями и мудрецами ранних династий, которые, с точки зрения конфуцианства, достойны подражания [9]. Как и в китайской традиции, исчисление времени в Японии напрямую зависит от времени правления императора (правда, в современном Китае данная традиция по понятным причинам утратила своё влияние): счёт лет ведётся от года начала правления императора; с него же устанавливается наступление новой эры, периода. Смена эры и начало нового отсчёта происходит с завершением правления старого и началом правления нового императора. (С 7 января 2013 г. в Японии идёт 25-й год периода Хэйсэй.) Таким образом, можно с определённой долей уверенности утверждать, что в языковой картине мира японцев концепт «время» как бы

«очеловечен» за счёт отсылки к смене поколений и преемственности их истории.

С другой стороны, в Японии, стране, обращённой к прошлому, в языке не существует будущего времени. Учитывая эти факты, можно предположить, что японский народ живёт непосредственно настоящим, ориентируясь на опыт прошлого [7, с. 110]. Однако данное положение требует дальнейшего уточнения, например в связи с особенностями экзистенциального понимания времени в европейской культуре, характерным образом соединяющего в русском слове «настоящее» значения «подлинность» и «присутствие в текущем моменте времени».

В разговоре о культурных особенностях того или иного сообщества следует помнить, что любые обобщения основаны на специфической лингвокультурной интерпретации факторов средствами другой лингвокультурной картины мира. Они обусловлены, с одной стороны, объективными социально-историческими, географическими, климатическими и иными различиями, с другой – «субъективной» формой их отражения в специфической картине мира, свойственной данному, исходному языку. Особое значение в связи с этим приобретает требование рефлексии над самим процессом компаративного изучения лингвокультур. Концепт «время» даёт для этого богатый лингвокультурологический и философско-культурологический материал, позволяющий уточнить рисунок коммуникативного поведения, оптимизируя его на основе научно обоснованных моделей.

Список литературы

1. Аврелий Августин. Исповедь (книга XI). Электронный ресурс: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/ispoved=11 (дата обращения 30.04.2013).
2. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: Наука, 2007.
3. Глаголев В. С. Геополитические аспекты межкультурных коммуникаций в условиях глобализации. / Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М.: МГИМО, 2010.
4. Гуревич Т.М. Японский язык и японцы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2003.
5. Игнатович А.Н. Школа Нитирэн: Рассуждения об установлении справедливости и спокойствия в стране; Трактат об открывании глаз; Трактат об истинно-почитаемом как средстве постижения сути бытия. М.: Стилсервис, 2002.
6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
7. Костинская О.С. Концепт времени в японской картине мира // Вопросы психолингвистики. - №3. М., 2006.
8. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: От столкновения к взаимопониманию. Пер. с англ. М.: Дело, 1999.
9. Тань Аошуан. О модели времени в китайской языковой картине мира // Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик.
10. Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психо-лингвистики. М.: Наука, 1987.
11. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово, 2008.

Об авторе

Горелова Наталья Евгеньевна – соискатель кафедры философии МГИМО (У) МИД России.
E-mail: candy-fandy@mail.ru

ATTITUDE TO TIME IN RUSSIAN AND JAPANESE LINGUOCULTURE

N.E.Gorelova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article highlights the concept of "time" as the most important axiom which is a part of linguocultural worldview of different nations, that also allows us to consider this concept in terms of its cultural distinctive potential. In its turn, the definition of the limits and possibilities of matching cultures by comparing their linguocultural axioms enables us to refine the boundaries of their communicative interactions, identifying areas of understanding / misunderstanding and the most constructive interaction / potential proneness to conflict.*

Cultural differences in understanding the time could be considered in two main directions: first, each culture performs the calculation of time in its own way; secondly, the way to decompose the time, its "segmentation" also creates a significant originality of unique linguocultural pictures of the world. These features are interrelated and interdependent, therefore it is reasonable to combine them under the title "time attitude."

It goes without saying that, the attitude towards time in each linguoculture formed for many centuries, being therefore historically conditioned. In this case, axiological aspect in the attitude towards time should be mentioned, which is also associated with the reflection in this concept of the socially-approved values of different levels (ethical, aesthetic, religious, etc.). Consequently, we are talking about a concentrated expression of the important world paradigms in the concept of "time", which are related to value-sense orientation and social psychology segments, that are projected on the individual consciousness in the process of enculturation.

The specificity of the Japanese culture is usually described within the overall paradigm of the relations between East and West, considered as a synthetic and analytical way of perceiving the world. These relations – are relations between two independent, different systems of traditions, meanings and world-views. The question of their commensuration is one of the key questions for the theory and practice of intercultural communication, considering the influence of cultural differences on the run of the communicative event, its "success" or "failure."

"Time attitude" is the most important linguocultural "axiom", allowing not only to recognize the specificity of the world picture of Japanese culture representatives, but also to highlight the clear criteria for its possible comparison with the counter-agents of the communication, to describe the "intersection point" and "point of mutual exclusion," emerging from comparison of Japanese and Russian linguocultures, their peculiar "time attitude."

Key words: linguocultural studies, philosophy of culture, intercultural communication, linguocultural, axioms, the concept of time, "attitude to time" as a unity of the "calculation" and "segmentation", time in the Japanese linguoculture.

References

1. Avrelij Avgustin. Ispoved' (kniga XI) [confession (book XI)]. Online source: http://azbyka.ru/otechnik/?Avrelij_Avgustin/ispoved=11 (date of resort 30.04.2013).
2. Benedikt R. Hrizantema i mech. Modeli japonskoj kul'tury.[Chrysanthemum and sword. Japanese culture models]. M.: Nauka, 2007.
3. Glagolev V.S. Geopoliticheskie aspekty mezhkul'turnyh kommunikacij v uslovijah globalizacii [Geopolitical aspects of intercultural communication in globalization conditions]. M.: MGIMO, 2010.
4. Gurevich T.M. Japonskij jazyk i japoncy.[Japanese language and Japanese people] M.: MGIMO (U) MID Rossii, 2003.
5. Ignatovich A. N. Shkola Nitirjen: Rassuzhdenija ob ustanovlenii spravedlivosti i spokojstvija v strane. Traktat ob otkryvanii glaz; Traktat ob istinno-pochitaemom kak sredstve postizenija suti bytija. Stil'servis, [School of Nitirjen: argument on justice and peace in the country. Treatise on opening the eyes; Treatise on True revered as a means of understanding the essence of being]. M.: Stil'servis, 2002.
6. Kornilov O. A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. [Language worldview as national mentalities derivative]. M.: CheRo, 2002.
7. Kostinskaja O.S. Koncept vremeni v japonskoj kartine mira // Voprosy psiholingvistik. [Concept of time in Japanese worldview// Questions of psycho-linguistics] - №3. M., 2006.

8. L'juis P.D. Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese: Ot stolknovenija k vzaimoponimaniju. [Business cultures in international business: from collision to cooperation]. Per. s angl. M.: Delo, 1999.
9. Tan' Aoshuan. O modeli vremeni v kitajskoj jazykovej kartine mira // Logicheskij analiz jazyka: Jazyk i vremja. [Model of time in the Chinese language worldview // Logical analysis of the language: language and time]. M.: Indrik.
10. Tarasov E. F. Tendencii razvitija psiho-lingvistiki. [Developing tendencies of psycho-linguistics]. M. : Nauka, 1987.
11. Ter-Minasova S.G. Vojna i mir jazykov i kul'tur. [War and peace of cultures and languages]. M.: Slovo, 2008.

About the author

Gorelova Natalia Evgenievna – post-graduate student of MGIMO (U) MFA of Russia.
E-mail: candy-fandy@mail.ru